

ЭМОЦИИ, КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И «НОСТАЛЬГИЯ ПО БУДУЩЕМУ» В КОНЦЕПЦИИ ЛОРАДЖЕЙН СМИТ

Ф.В. Николаи

Аннотация. В статье рассматривается концепция критических исследований культурного наследия Л. Смит, являющаяся актуальной благодаря акценту на низовые практики коммеморации и анализу взаимосвязи рефлексии посетителей музеев с эмоциональной составляющей их самоидентификации. В работе «Эмоциональное наследие: вовлеченность посетителей музеев и объектов культурного наследия» (2021) Л. Смит прослеживает переплетение аффекта, эмоций и суждений как в рамках феномена ностальгии, так и в конструировании культурного наследия в целом. Доказывается, что ее концепция особенно важна в условиях роста антагонистической и конфликтотенной политики памяти в Восточной Европе, используемой консервативными силами для мобилизации общественного мнения.

Ключевые слова: исследования памяти, культурное наследие, история эмоций, курс, критическая теория, исследования культуры.

Для цитирования: Николаи Ф.В. Эмоции, культурное наследие и «ностальгия по будущему» в концепции Лораджейн Смит // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 346–352. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-346-352

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств федерального бюджета в рамках выполнения государственного задания № 073-03-2023-029 от 27.01.2023 г.

346

EMOTIONS, CULTURAL HERITAGE AND “NOSTALGIA FOR THE FUTURE” IN WORKS OF LAURAJANE SMITH

F.V. Nikolai

Abstract. The article considers L. Smith’s concept of critical studies of cultural heritage, which is relevant due to the emphasis on grassroots practices of commemoration and the analysis of the relationship between the reflection of museum visitors and the emotional component of their self-identification. In “Emotional Heritage: Engagement of Visitors to Museums and Cultural Heritage Sites” (2021) L. Smith traces the intertwining of affect, emotions and judgments both within the phenomenon of nostalgia and in the

© Николаи Ф.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

construction of cultural heritage in general. It is argued that her concept is particularly important in the context of the growth of antagonistic and conflictogenic memory politics in Eastern Europe, used by conservative forces to mobilize public opinion.

Keywords: *memory studies, cultural heritage, history of emotions, discourse, critical theory, cultural studies.*

Cite as: Nikolai F.V. Emotions, Cultural Heritage and “Nostalgia for the Future” in Works of Laurajane Smith. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 1, part 2, pp. 346–352. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-346-352

Acknowledgments. The paper was supported by the federal budget, state assignment No. 073-03-2023-029, January 27, 2023.

На рубеже XX–XXI вв. исследования памяти претендовали на статус общей парадигмы гуманитарного знания, однако в 2010-е гг. явно виден рост противоречий как внутри этого направления [1; 2], так в его отношениях с классической историографией, историей эмоций, исследованиями культурного наследия, публичной историей и другими активно развивающимися направлениями исследований [3; 4]. В данных обстоятельствах весьма актуальными представляются попытки согласования хотя бы некоторых из этих конкурирующих программ, например, *memory studies*, исследований культурного наследия и истории эмоций.

Весьма продуктивной в этом отношении представляется концепция Лораджейн Смит — директора Центра наследия и музейных исследований Австралийского национального университета. В своей широко цитируемой работе «Использование наследия» (2006) Л. Смит критикует складывание «авторитетного дискурса» культурно-исторического наследия, превращающего культурную память в один из ключевых инструментов власти в эпоху модерна. Главной задачей современных исследований культурного наследия автор провозглашает проблематизацию такой стратегии использования прошлого: «Наследие касается не столько прошлого (хотя и его тоже) и материальных объектов, это процесс обсуждения и коммуникации, извлечения смысла в настоящем и для настоящего» [5, с. 1]. По мнению Л. Смит, ни национальное наследие XIX – первой половины XX в., ни ориентированная на международный туризм среднего класса модель использования наследия в обществе потребления второй половины XX – начала XXI в. не имеют особых перспектив. Они в равной степени репрезентируют прошлое как скопление материальных объектов, которые воспринимаются пассивно, а не критически. «Наследие предполагает переговоры об использовании прошлого, коллективных и личных воспоминаний для обозначения новых способов артикуляции идентичностей» [там же, с. 4].

Л. Смит продолжает свою стратегию аргументации в работе «Эмоциональное наследие: вовлеченность посетителей музеев и объектов культурного наследия» (2021), в которой переносит акцент на эмоциональную составляющую исторического опыта и идентичности. На основе 4500 интервью с посетителями 45 музеев в Австралии, Великобритании и США автор показывает, что музеи представляют собой не просто места репрезентации национальной истории или дискурса наследия, но площадки, на которых разыгрываются перформансы, активирующие эмоции посетителей. Чтобы узнать

новую информацию, посетители могут просто посмотреть «Википедию» или видео в интернете. Их нельзя рассматривать как пассивных реципиентов или потребителей предлагаемых музеями нарративов: сознание посетителей активно, они получают новый опыт. Люди редко ходят в музеи поодиночке, экспозиции музеев часто выступают поводом для межпоколенческой и интерсубъективной коммуникации, в процессе которой и формируются сообщества, начиная семейными и заканчивая национальными либо транснациональными. Эмоциональный отклик посетителей, по мнению Л. Смит, не просто направлен на подтверждение/корректировку индивидуальной и коллективной идентичности, но активно *инвестируется* в объекты наследия и практики использования прошлого, прагматически полезные для настоящего и устремленные в будущее. «Наследие — это не столько объект обладания, сколько процесс делания; это намерение и действие, а не «вещь» или «место» [6, с. 4].

На основе проведенных интервью Л. Смит выделяет четыре типа перформансов, которые разыгрываются в музеях: усиление (*reinforcement*), межпоколенческая коммуникация, признание (*recognition*) и непризнание. Каждый из них предполагает специфический спектр эмоций и взаимодействий. Первый наделяет вещи и музейные экспонаты статусом легитимных исторических свидетельств, признает их связи с нарративами репрезентативными. Аутентичным оказывается именно тот исторический и эмоциональный опыт, который материализован в вещах. Второй тип активизирует дидактику и морализацию, наделяющую дополнительным авторитетом старшие поколения, выступающие свидетелями истории и хранителями опыта прошлого. Третий тип особенно важен для доминирующих этнических и социальных групп, выступающих владельцами символического капитала, например, европейского белого среднего класса, минимально критичного по отношению к господствующим в (интер)национальных музеях нарративов. Аутентичность здесь становится свойством исторического нарратива, а не опыта свидетелей или вещей. Четвертый — непризнание — оказывается важен для мигрантов и иностранных туристов, которые гораздо чаще склонны оспаривать господствующие нарративы; а также для образованных интеллектуалов, чьи навыки работы требуют критического мышления, фиксирующего натяжки и противоречия доминирующих стратегий репрезентации. Аутентичность здесь оказывается конструктом, предметом договоренностей экспертов и широкой публики.

Границы между этими типами перформансов могут быть подвижными. На вопрос Л. Смит и ее коллег «Насколько посещение музея изменило Ваше представление о прошлом или настоящем?» лишь 18% информантов ответили утвердительно, а 82% — отрицательно. При этом в обычных национальных музеях эта доля ответов снижалась до 10%, а в местах, ориентированных на интернациональные связи вырастала до 35% [там же, с. 12]. Музеи не только дают информацию, но воспитывают граждан. И основой этой социально-политической дидактики оказывается эмпатия, формирующая представления о моральном сообществе, активно соединяющая личные и коллективные эмоции и идентичности.

Характеризуя тесную взаимосвязь эмоций и суждений, Л. Смит использует понятие признания, включающего когнитивный элемент (распознавание), эмоциональную составляющую (эмпатию) и суждения о социальных ценностях, включая требования равенства и справедливости. Чаще всего политика признания апеллирует к глобальным сообществам через требование равенства и к локальным через признание отличий.

Сложные отношения между этими полюсами провоцируют агонистические противоречия и конкуренцию, вызывают ощущение конфликта и борьбы.

Однако было бы ошибочным переводить эту конкуренцию в бинарное противостояние и радикальный политический антагонизм, важен именно поиск баланса между признанием и непризнанием в интересах разных социальных групп и идентитарных сообществ. В последние годы эмоции и аффекты в политическом поле чаще используются правыми популистами для мобилизации общественного мнения, тогда как левые традиционно делают ставку на рациональные суждения в публичной сфере. Однако такое размежевание лишает проекты левых энергии, делает их слишком привязанными к настоящему, отрезанными от исторического воображения и памяти, не способными породить «альтернативное будущее» [там же, с. 46].

Чтобы добиться успеха сторонники социалистических преобразований (которым Л. Смит явно симпатизирует) должны признать, с одной стороны, двусторонний характер взаимодействия между людьми, вещами, образами и нарративами; а с другой — неизбежность взаимосвязи между эмоциями и суждениями. Для преодоления обозначенных выше оппозиций Л. Смит использует понятие аффекта, которое относится к досимволической составляющей эмоций. С этой точки зрения «аффективные сообщества» оказываются весьма близки сообществам эмоциональным, однако в отличие от последних остаются неотрефлексированы, поэтому легко соединяют материальность (перформанс «усиления») и политику (перформансы «признания»/«непризнания»). Ярким примером, оказывающимся на стыке отрефлексированной политики признания и формирования аффективных сообществ, оказывается широкое распространение в современном обществе ностальгии, которой посвящено множество известных работ [7; 8].

Однако в отличие от С. Бойм, З. Баумана, Ф. Джеймисона и других авторов Л. Смит настаивает на важности эмоционального и аффективного элементов ностальгии, при этом не маркируя их как неизбежно консервативные. В статье «Ностальгия по будущему: память, ностальгия и классовая политика», написанной в соавторстве с Гарри Кэмпбелом также по материалам интервью с посетителями музеев в Великобритании, США и Австралии, Л. Смит вслед за С. Бойм выделяет в ностальгии две составляющие: «реакционную» и «прогрессивную» («ностальгию по- и для будущего»). Обе они имеют эмоциональную составляющую, скрывающую специфическую политику времени. В первом случае речь идет о мифологической идеализации прошлого как «золотого века», возвеличивании «сильных идентичностей» и государственных институтов, справедливая критика которых при этом нивелируется.

Во втором случае ностальгия приобретает иную функцию: она (как у С. Бойм) способствует рефлексии о ценностях, которые объединяли людей в прошлом, но оказались утрачены в настоящем, и за которые нужно бороться в будущем. Важно отметить, что эти две стратегии использования ностальгии не жестко оппозиционны, но представляют собой переплетающиеся практики использования. Ярким примером такого переплетения Л. Смит и Дж. Кэмпбел считают ностальгию пожилых рабочих, у которых они брали интервью после посещения музеев индустриального наследия. Здесь оказываются задействованы все отмеченные выше практики/перформансы: усиление (reinforcement) как глубокая привязанность к вещам и инструментам профессиональной деятельности и попытка их использования для повышения своего социального статуса в настоящем; межпоколенческая коммуникация, позволяющая рабочим выступать

от лица исторически значимых классов (пролетариата) и пытаться передать внукам идею солидарности; надежда на социальное признание и критика неолиберальных нарративов, до недавнего времени господствовавших во многих СМИ. «Сообщества угнетенных и особенно сообщества рабочих могут и используют ностальгию для воображения нового будущего, в котором их социальные ценности материализуются и будут иметь значение» [9, с. 614].

В этом контексте задачей музейных работников и исследователей культурного наследия Л. Смит считает поддержку подобных сообществ, помощь в артикуляции их ценностей и переносе ностальгии с реставрирующих (ориентированных на неоконсервативное государство) на более рефлексивные формы. Причем эта рефлексия важна не только для рабочих и других угнетенных (сообщества которых крайне слабы и потому такие «сильные» идентичности, как пролетариат 1960-х гг. вдвойне идеализируются ими), но и для левых интеллектуалов, критическая теория которых парализовала воображение будущего, а признание эмоционального компонента ностальгии и наследия могут помочь активизировать их (историческое) воображение. «Опираясь на прошлое, можно помочь сформировать настроения и воспитать эмоциональную приверженность вопросам социальной справедливости, в которой так отчаянно нуждаются левые» [там же, с. 612]. Это социально-политическое измерение ностальгии, связанное с требованиями справедливости, важно для всех стран и сообществ, включая Восточную Европу, где правые популисты максимально цинично используют ее консервативную версию [7; 10; 11].

Таким образом, сильной стороной концепции Л. Смит представляется убедительная демонстрация взаимосвязи аффекта, эмоций и суждений как в рамках ностальгии, так и в конструировании наследия в целом. Без признания этой взаимосвязи устремленность в будущее, которая так активно проблематизируется в современных исследованиях [12; 13], вряд ли возможна. Рост эмоциональной и аффективной вовлеченности в современной культуре ведет к тому, что реакционные и прогрессивные практики коммеморации слишком часто оказываются переплетены. И задача исследователей культурного наследия, работников музеев и публичных историков — помочь представителям разных сообществ отрефлексировать и провести границы между этими практиками. Такая задача существенно меняет наши представления о публичной сфере, которая оказывается не просто коммуникативным полем рациональных суждений в духе Ю. Хабермаса, но пространством взаимодействия суждений и эмоций, что вызывает все больший интерес в современных исследованиях культурного наследия [14–16].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Европейский университет, 2020. 632 с.
2. Кирчанов, М.В. «Историческая политика» в мире: плоды отстраненного изучения // Диалог со временем. 2023. № 82. С. 15–28.
3. Репина, Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 6–16.

4. Фелькер, А.В. Исследования наследия и политика памяти — в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 28–44.
5. Smith, L. *The Uses of Heritage*. N.Y., L.: Routledge, 2006. 351 p.
6. Smith, L. *Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites*. N.Y., L.: Routledge, 2021. 338 p.
7. Липовецкий, М., Михайлова, Т. Больше, чем ностальгия (поздний социализм в телесериалах 2010-х гг.) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127–147.
8. Бойм С. Будущее ностальгии / пер. с англ. А. Стругача. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
9. Smith, L., Campbell, G. “Nostalgia for the Future”: Memory, Nostalgia and the Politics of Class // *International Journal of Heritage Studies*. 2017. Vol. 23. No. 7. P. 612–627.
10. *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies* / ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y.; L.: Routledge, 2020.
11. Память в сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб.: Европейский университет, 2023. 352 с.
12. Олейников, А.А. Время истории // Логос. 2021. № 4. С. 5–30.
13. Ионов, И.Н. Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории. Статья 3 // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 20–36.
14. *Emotion, Affective Practices, and the Past in the Present* / ed. by L. Smith, M. Wetherell, G. Campbell. N.Y., L.: Routledge, 2018. 312 p.
15. Колесник, А.С., Русанов, А.В. Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. Т. 58. № 3. С. 58–69.
16. Мочалова, М.А. Как говорить о нематериальном наследии? // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 298–304.

REFERENCES

1. *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe], ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. St. Petersburg, Evropejskij universitet, 2020, 632 p. (in Russ.)
2. Kirchanov, M.V. “Istoricheskaya politika” v mire: plody otstranennogo izucheniya [“Historical Politics” in the World: Products of Detached Study], *Dialog so vremenem* = Dialogue with Time, 2023, No. 82, pp. 15–28. (in Russ.)
3. Repina, L.P. Pamyat i nasledie v “krestovom pohode” protiv istorii, ili rozhdenie “memorialnoj paradigmy” [Memory and Heritage in a Crusade Against History, or the Birth of a “Memorial Paradigm”], *Uralskij istoricheskij vestnik* = Ural Historical Herald, 2021, No. 2, pp. 6–16. (in Russ.)
4. Felker, A.V. Issledovaniya naslediya i politika pamyati — v poiskah obshchih podhodov [Heritage Studies and the Politics of Memory — in Search for Common Approaches], *Politicheskaya nauka* = Political Science, 2018, No. 3, pp. 28–44. (in Russ.)
5. Smith, L. *The Uses of Heritage*. N.Y., London, Routledge, 2006, 351 p.
6. Smith, L. *Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites*. N.Y., London, Routledge, 2021, 338 p.

7. Lipovetsky, M., Mikhailova, T. Bolshe, chem nostalgia (pozdnij socializm v teleserialah 2010-h gg.) [More than Nostalgia: Late Socialism in TV Series of the 2010s], *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Review, 2021, No. 3, pp. 127–147. (in Russ.)
8. Bojm, S. *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 680 p. (in Russ.)
9. Smith, L., Campbell, G. “Nostalgia for the Future”: Memory, Nostalgia and the Politics of Class, *International Journal of Heritage Studies*, 2017, vol. 23, No. 7, pp. 612–627.
10. *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies*, ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y.; L., Routledge, 2020, 244 p.
11. *Pamyat v seti: cifrovoy povorot v memory studies* [Network Memory: Digital Turn in Memory Studies], ed. by A.F. Pavlovsky, A.I. Miller. St. Petersburg, Evropejskij universitet, 2023, 352 p. (in Russ.)
12. Oleynikov, A.A. Vremya istorii [History’s time], *Logos* = Logos, 2021, No. 4, pp. 5–30. (in Russ.)
13. Ionov, I.N. Korrekciya temporalnogo rezhima i problemy teorii istorii. Statya 3 [Correction of the Temporal Regime and Problems of the Theory of History, part 3], *Dialog so vremenem* = Dialogue with Time, 2021, No. 75, pp. 20–36. (in Russ.)
14. *Emotion, Affective Practices, and the Past in the Present*, ed. by L. Smith, M. Wetherell, G. Campbell. N.Y., L., Routledge, 2018, 312 p.
15. Kolesnik, A.S., Rusanov, A.V. Nasledie-kak-process: diskussii o koncepte kulturnogo naslediya v sovremennyh socialnyh i gumanitarnykh naukah [Heritage-as-Process: The Concept of Cultural Heritage in Contemporary Social Sciences and Humanities], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* = Perm University Herald. Series History, 2022, vol. 58, No. 3, pp. 58–69. (in Russ.)
16. Mochalova, M.A. Kak govorit o nematerialnom nasledii? [How Can One Speak of Intangible Cultural Heritage?], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* = Siberian Historical Research, 2020, No. 2, pp. 298–304. (in Russ.)

Николай Федор Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, fvnik@list.ru

Feodor V. Nikolai, PhD in Philosophy, Professor, General History, Classical Disciplines and Law Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, fvnik@list.ru

Статья поступила в редакцию 20.11.2023. Принята к публикации 15.12.2023

The paper was submitted 20.11.2023. Accepted for publication 15.12.2023